

ЮРИЙ ХАМКИН

Поезжай и умри за Сербию

(ЗАМЕТКИ ДОБРОВОЛЬЦА)

The bottom half of the book cover features a complex, abstract geometric pattern. It consists of numerous triangles of various sizes, some pointing upwards and some downwards, creating a tessellated effect. The color palette is limited to three shades: a light lime green, a medium forest green, and a dark charcoal grey. The pattern is dense and covers the entire lower portion of the cover, contrasting with the solid blue-grey background of the upper portion.

Юрий Хамкин
Поезжай и умри за Сербию.
Заметки добровольца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44556082

ISBN 9785005040541

Аннотация

Книга русского «Че Гевары», советского офицера, яркого журналиста, который оставил хорошую работу и уютный дом в Самаре, чтобы отправиться на фронт в бывшую Югославию, помогать братскому сербскому народу бороться с американским и западным империализмом.

Содержание

Издание 3-е, исправленное и дополненное	6
РЕЦЕНЗИЯ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
написанное 20 лет спустя	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БОИ В БОСНИИ	11
И ГЕРЦЕГОВИНЕ	
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	11
ПОД ОГНЁМ	11
Я ПИШУ	13
ПОЕЗЖАЙ И УМРИ ЗА СЕРБИЮ!	15
ПЕРВАЯ ЛИНИЯ	33
ГЕРЦЕГОВИНА	33
НА ПОЗИЦИЯХ В ЯНВАРЕ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Поезжай и умри за Сербию

Заметки добровольца

Юрий Хамкин

© Юрий Хамкин, 2019

ISBN 978-5-0050-4054-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга русского «Че Гевары», советского офицера, яркого журналиста, который оставил хорошую работу и уютный дом в Самаре, чтобы отправиться на фронт в бывшую Югославию, помогать братскому сербскому народу бороться с американским и западным империализмом.

Хамкин Юрий Михайлович родился в 1951 году, в посёлке Усть-Нера Оймяконского района Якутской области. В 1974 году окончил Бакинское высшее общевойсковое командное училище. Служил в спецназе ГРУ (командир РГ-СН). В 1983 году с должности «командир роты», в звании «капитан», уволен в отставку по состоянию здоровья. С 1984 года – журналист. В 1989 году заочно окончил Казанский государственный университет по специальности «Жур-

налистика». Автор нескольких рассказов («Пока человек ведёт борьбу», «Перекладина», «Сам против себя» и др.), опубликованных в ряде центральных журналов. В 1992 году в городе Самаре вышла повесть Ю. Хамкина «Один день лейтенанта Карташова».

В 90-х годах был одним из самых ярких оппозиционных журналистов Самары.

Как доброволец воевал в сербской пехоте в 1992—93, 95 годах, капитан армий Республики Сербской и Сербской Краины. Автор книги «Поезжай и умри за Сербию! (Заметки добровольца)».

Член общественной организации «Российские учёные социалистической ориентации» (РУСО).

Издание 3-е, исправленное и дополненное

«Моё сочувствие – всем жертвам очередной кровавой мясорубки на Евразийском пространстве, но моя любовь – тем, кто (подобно голландскому мальчику, затыкавшему пальцем дырку в плотине, чтобы море не затопило его родину) в трагическом одиночестве или ощущая за спиной измену, всё-таки пытался преградить путь новому мировому порядку, всё-таки верил в Россию.»

Мяло Ксения Григорьевна, «Россия и последние войны XX века», М., «Вече», 2002г.

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу Хамкина Ю. М. «Поезжай и умри за Сербию (Заметки добровольца)»

Настоящая книга написана очевидцем и непосредственным участником событий в Боснии и Сербской Краине в 1991 – 1993 гг

и проникнута болью за расчленённую и ослабленную Югославию,

за братский нам сербский народ.

Очень хорошо показаны планы НАТО и Ватикана по раз-

рушению славянского государства в Восточной Европе, как один из возможных сценариев дальнейшего развития событий в СССР. В условиях одностороннего освещения событий в Югославии средствами массовой информации Запада и некоторыми «демократическими» СМИ в России очень важен взгляд с другой стороны. Считаю нужным издание книги Хамкина Ю. М. ввиду её патриотической направленности и правдивого изложения событий.

Первый проректор СамДС игумен Вениамин (Лабутин).

ПРЕДИСЛОВИЕ

написанное 20 лет спустя

После описанных ниже событий прошли уже долгие годы. На встречах с ветеранами, молодёжью, активистами общественных организаций и так называемой «общественностью» мне всегда в различных формах задают один и тот же вопрос, смысл которого формулируется примерно так: "За каким чёртом вас туда понесло?!»

И каждый раз (десятки раз!) этот вопрос ставит меня в глухой тупик.

Хорошо, если его задавал человек в возрасте. Тогда я думал: ну, если ты до сих пор ничего не понял, что же я сейчас тебе могу объяснить...» —

и отвечал соответственно. А вот если спрашивала ребятня, пытливые юноши... тут можно широко улыбнуться и спросить: «Если б были все как вы, ротозеи, что б осталось от Москвы, от Рассеи?».

А если конкретно, наших добровольцев вёл в Сербию древний

клич русских воинов вещего Олега, князей Игоря, Святослава Игоревича и многих таких же, за века ставший непреложным законом: «За други своя! «Он, этот призыв, заложен

в культурной матрице народа и объяснять тут действительно нечего. И мы особенно не размышляли: друг в беде – приди и помоги.

Именно так было на тот момент. Но вот, как сказал поэт, «большие годы пролетели». И они вдруг высветлили совершенно неожиданную сторону тех событий, о которой никто из нас тогда даже не подозревал.

Чтобы читатель мог точнее разобраться о чём речь, напомним одну старинную историю, случившуюся в далёком XIX веке на другом конце Земли, в североамериканских Штатах, эхо которой до сих пор не смолкает в современных США.

В середине XIX века североамериканские штаты уже не один век

разъедала раковая опухоль рабовладения, очагом которой был Юг страны. На этой мракобесной территории господствовало мерзкое рабовладение, с которым Европа покончила уже более тысячи лет назад: «белый человек», англосакс, плантатор кнутом и жесточайшим террором (нацисты – младенцы) принуждал к непосильному труду

миллионы чернокожих жителей страны.

И вдруг, в 1855 году, в самый расцвет американского рабовладения один такой вот белый, англосакс, из семьи рабовладельца и сам рабовладелец по имени Джон Браун собирает в Канзасе чёрно-белый отряд и поднимает вооружённое восстание против... рабства и рабовладельцев. Разумеется,

восстание было жестоко подавлено, а сам руководитель взят в плен и повешен.

Борьба чернокожего населения сначала против рабства, а затем

за равноправие с белыми продолжалась все последующие десятилетия, продолжается и сегодня. В этой неравной борьбе были

отчаянные, трагические, казалось бы, безнадёжные моменты, и тогда кто-нибудь из изверившихся бойцов с горечью говорил: «Все белые

против нас, негров...". И всегда находился (и находится) тот, кто возражал усталому соратнику: «А как же Джон Бранун?».

В подлые 90-е, в разгар мракобесия юрких, ельциноидный Кремль бросил сербов в тяжелейшей беде, оставив один на один

с самой мощной военной машиной современности – блоком НАТО: в

агрессии против небольшой страны приняло участие более 30-ти государств мира. Сербам была нанесена тягчайшая рана, которая кровоточит до сих пор.

И всегда найдётся в сербском обществе кто-то, кто скажет:

«Предала нас Россия...» Но он неизбежно услышит в ответ: «Как, а русские добровольцы?».

18 марта 2015 г., Самара.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БОИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

*«Усталые, после работы
мы снов не видали иных,
а только твои пулемёты,
и песни отрядов твоих!»
Ярослав Смеляков*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ПОД ОГНЁМ

Предательство – худший из человеческих пороков, сказано в Книге Книг. Вот почему, когда числящийся министром иностранных дел России факир Козырев «со товарищи» из Кремля предали Югославию, присоединившись к т.н. «санкциям» ООН против многострадального народа, веками жившего под покровительством России, я немедленно принял решение пробираться на фронт в Югославию.

Но дело не только в Козыреве и К из «Демократической России».

Крайне подлю повели себя холуйствующие журналисты из официальных «независимых» СМИ. У них, видите ли, семьи; они, видите ли, дорожат работой. А значит требуется по приказу «хозяев» разжечь гнусную кампанию травли маленького славянского народа, ликующе подпевая Западу (деньги не пахнут!).

Очень долгое время народы России не знали страшную правду о балканских событиях, только сейчас она начинает дозированно просачиваться на страницы газет и экраны ТВ.

Помочь сербам огнём своего автомата – это одна цель, которую я преследовал, отправляясь на фронт. Вторая – помочь пером: развеять смрадную завеса лжи над Балканами и показать, кто есть кто в этом конфликте.

С 17 ноября 1992 по 5 мая 1993 г. я неотлучно находился на

1-й огневой линии Босанско-Герцеговинского фронта в стрелковой роте автоматчиком. До середины января 93-го воевал в Герцеговине

(село Польице), потом в Сараево.

Как я выполнил свою первую задачу пусть расскажут мои сербские командиры. А как я выполнил свою вторую задачу, судить вам,

читатели.

17 июня 1993, г. Самара.

Я ПИШУ

*«Пишите честно,
как перед расстрелом.
Жизнь оправдает
честные слова.»*
А. Жигулин.

Опять попала в стену пуля. Не занавесить ли окно? Надо бы, но некогда: я пишу. Я ещё не всё сказал об этой войне. Всё сказать об этой войне никому не под силу. Но надо успеть сказать как можно больше. Успеть! Успеть! Я пишу. Справа в двух кварталах жестокий бой: танковые пушки бьют прямой наводкой, и от грохота позванивают стёкла, расцвеченные желто-красными бликами пожара. Мне эта музыка не мешает: я пишу. Я не признаю «объективных обстоятельств», пишу в любых условиях – в разбитых квартирах, в казармах, штабах, блиндажах, дотах, в траншеях, у костров при свете свечей и горящих домов.

Свечи использую разные: бытовые, церковные, тонкие, толстые, восковые, стеариновые. Я покупаю их на базарах, с рук, в храмах. А если купить негде, использую «кандило». О, об этой примете войны следует сказать особо.

Быт каждой войны имеет свою примету: в нашей гражданской

– лучина, плошка, в Великой Отечественной – гильза с со-

ляркой со сплюсненным горлышком и фитилём. А здесь – кандило: стакан, в котором 50х50 подсолнечное масло и вода, а на поверхности сплюсненная металлическая пробка с дыркой, откуда торчит фитиль

(обычно шнурок от ботинка). Этакий модернизированный вариант плошки. Горит долго. Почти без копоти, но светит тускло. Однако

писать можно.

Бумагу я ищу в грудах мусора, в разрушенных школах, ручки

выклянчиваю или просто прикарманиваю.

Я пишу, когда сыт или голоден, когда болен, ранен или здоров,

на отдыхе, после марша или боя, когда тепло или холодно. Для меня каждый день как последний. Надо успеть как можно больше.

Сегодня условия идеальные: над головой – крыша, в углу – раскаленная печурка, есть стол, стул, свеча. Есть даже чай на печурке.

За окном нарастает стрельба – треск пулемётов и оружейные залпы слились и замерли на одной высокой ноте: сражение приобретает характер натянутой струны. В другое время я бы, не раздумывая, выскочил с автоматом на улицу, но сейчас есть вещи поважнее: пишу. После дежурства в траншее имею законных шесть часов отдыха и бросить меня в бой может только конкретный приказ.

А поскольку телефон молчит, я пишу.

Я пишу о тех, кто рядом, об артралётах, о пожарах, о за-
садах,

об атаках и контратаках, о дотах на перевалах и скреще-
ниях троп,

о баррикадах на улицах, о танках под арками домов, о пав-
ших и пока ещё живых, о пленных, о пьяных, о трезвых, как
пьяных, о сошедших

с ума, о снайперах, убивающих детей, о солдатской ба-
не, о брошенной старушке, об очереди за водой, об очереди
за мукой, о нетопленных квартирах, о героях, дезертирах,
о друзьях, ставших врагами, о правых и виновных...

Я пишу, пишу, пишу...

Свеча горит, горит, горит...

11 февраля 1993 г.

ПОЕЗЖАЙ И УМРИ ЗА СЕРБИЮ!

*«Вино – друзьям,
ночь проводов – невесте.
Вину – стакан: отвальную залить.
Я укажу ещё и час и место,
В которые меня похоронить!»
И Бойко.*

Когда серб говорит: «Нас 300 миллионов вместе с русски-
ми», он не шутит: так выражается многовековая духовная

потребность народа в ощущении мощного союзника за спиной. Друзей предавать нельзя, об этом в Кремле сегодня забыли и, следовательно, вопрос не стоял так: ехать – не ехать. Вопрос стоял: как добраться.

Турфирм развелось при дерьмократии – в одной Самаре два десятка! Звоню в каждую с вопросом «нет ли путёвок в Югославию?» и 20 раз слышу: «Нет.» Блокада. «А в Болгарию?» – «Болгария – Турция – за доллары.» Долларов я не заработал. Остаётся Румыния. Тут сразу два приятных сюрприза: путёвка стоит всего одну зарплату; не надо оформлять загранпаспорт – «пускают» по вкладышу.

Итак, Румыния. Теперь следует подумать, как преодолеть румынско-сербскую границу. Собственно, много думать нечего: нет

информации к размышлению. Невозможно получить сведения о пропускном режиме, а если он суров, то: как укреплена граница, характер местности, режим охраны и т. п. Нет топокарт.

Зато есть компас. С него начнём, Я положил в рюкзак первый совершенно необходимый предмет – компас. Потом к нему добавятся пассатижи (возможны проволочные заграждения), детский надувной плотик, вроде способный удержать рюкзак (на границах обычно течёт хоть небольшая, но речка), бинокль (театральный), верёвки 4м, 2 кг сала, растворимый грузинский чай, полкило изюма – автономное питание на несколько дней без денег; из медикаментов – аспирин.

рин, анальгин, йод, бинты и проч., а также 200 г водки.

Я выучил назубок 100 румынских и 100 сербских слов – всё о транспорте и удовлетворении первичных потребностей. Причем если румынские слова позволительно занести в записную книжку, то сербские следует запоминать намертво: в разных странах за нелегальный переход границы «дают» от трёх до 10 лет, сколько

«дают» в Румынии узнать трудно, но можно предположить,

что законы, установленные ещё Чаушеску весьма суровы. Итак, если близ границы меня задержат, доказать, что я не «заблудился», а пытался пересечь её погранцам будет очень тяжело: в моих вещах нет ничего, что прямо бы указывало на это, каждый предмет совместим с понятием «турист». По этой же причине не взял карту Югославии, предполагаемый маршрут к фронту выучил наизусть (из газет знал, что штаб фронта в Билече). Замысел прост, как репка: пересечь границу, на попутках добраться до фронтовой зоны, первому встречному командиру предъявить военный билет и предложить свои услуги.

Сказано – сделано. И вот перрон самарского вокзала, туристы. Оказывается, это не просто туристы, а «коммерческие туристы»: судя по количеству и объёму тюков, они опустошили прилавки всех самарских магазинов: бензопилы, утюги, кипятильники, термосы, мясорубки и даже... дихлофос. Румыны будут счастливы. У коммерческих ребят

шек всё отработано: какие-то хитрые складывающиеся тележки повышенной грузоподъёмности, спецрюкзаки...

Начался сбор денег, по 5 тыс. с носа и по бутылке водки с двух на взятку таможенникам. Я – белая ворона, мой груз не превышает 10 кг и я не боюсь таможенников. Но худой мир лучше доброй ссоры с целой оравой торгашей, и я раскошеливаюсь, хотя запас денег крайне ограничен.

Состав группы – человек 40, четвёртая часть – женщины: одна – явная потаскуха, две пожившие много курящие дамы, остальные – типичные базарные торговки. Мужская часть тоже не порадовала колоритом: 2—3 запойных, 2—3 отпеченых матершинника, остальные —

парни студенческого вида, искренне пытающиеся улучшить свое материальное положение. Хотя, последних большинство, атмосферу создают первые, так что находиться среди этого сброда само по себе тяжкое моральной испытание.

До Кишиёва – поездом, в Кишинёве пересели в автобус. Тут-то нас и обрадовал встречный турист: «Мы три дня на границе стояли, а были 54-ми. Сейчас, возвращаясь, я насчитал 73 автобуса. Ох и припухнете вы, братцы!».

Так и вышло: больше суток провели в автобусе, причём не сдвинулись ни с места. Снаружи дождь, ветер, грязь, в автобусе духота. У торгашей деньги есть, они пьянствуют (300 рублей бутылка водки с рук) и жрут молдавские шашлыки (100 руб. микропорция), а я «припухаю». Автобус до-

верху завален тюками, лезть к сидениям приходится в полном смысле «на карачках» (сбили два плафона), а тут ещё в каком-то тюке от жары взорвался флакон дихлофоса, и стало весело-весело. А тут ещё наша потаскуха набрела на автобус с армянами, те стали её хватать, она убежала к нам в автобус, который тут же осадили армяне, закидав комьями грязи. Торгаши при сём никакого боевого духа не выказали.

Наконец у торгашей нервы сдали: срок путёвки истекает, и они раскошелились на крупную взятку по 700 рублей с носа. Я деньги доть отказался, туманно обронив: «После...». Это они понимают: после, значит, торговли (по их предположениям я везу какой-то тайный товар, на мои уверения: «Еду посмотреть страну», они только улыбаются).

Взятка пробила дорогу и мы в зоне таможенного контроля. Тут

выясняется: чтобы вывезти из страны товары всех самарских прилавков, надо дать взятку не в 5 тыс. и 20 бутылок водки, а 7 тыс. и те же 20 бут. водки. Я опять буркнул: «После...».

Румынская таможня. Ну уж тут-то все товары Самары примут с распростёртыми объятиями, горячо поблагодарят наших «коробейников». Ан нет! На дороге встал румын с ножом. Этим ножом он принялся энергично вспарывать драгоценные тюки. Что

тут сделалось с торгашами: неистовый вой! Пришлось им ещё раскошелиться по 100 тыс. лей (1 лея шла тогда

за 1,2 рубля)

Тяжела шапка Мономаха! И горько пожаловался мне один торгош:

«Вот, ещё ничего не продал, а уже весь в долгах.»

Ох уж эти румынские пограничники! В своё время Ильф и Петров в своем гениальном романе описали сцену ограбления этими воинами Великого Комбинатора. Прошло 60 лет и что же? Ничего не изменилось. Генотип!

Автобус покати по изрядно изнуренной демократией Румынии. Истощение зримо невооруженным глазом: лошадёнка и крестьянин за плугом – куда ж дальше...

На въезде в Бухарест автобус остановили: «Рэкет, рэкет пришёл», – зашептали торгоши и спрятались за спинки сидений. Вымогатели были предельно вежливы: назвали сумму (по 5 тыс. лей с носа), оставили номер телефона («на случай если будут неприятности» – понимай: если побеспокоят конкуренты), любезно проводили до гостиницы, показывая дорогу. Я пораился чёткой работе: встретить в субботнюю ночь одинокий автобус... в котором три человека от вымогательства не страдают: водитель, руководитель тургруппы и молдавский представитель. Хотя информацию могли передать с обеих таможен, да и сам представитель. По утверждению ограбленных, действовали самарские преступники.

Бухарест – конечная цель вояжа; торгоши радостно сыпнулись из автобуса, разминая затекшие члены.

– Привет! – сказал я, – На этом наши пути-дороги расхо-

дятся.

– Деньги давай! – завопили торгаши.

Понимая, что разговаривать с ними надо на их языке, я с чувством молвил:

– А пошли вы на...

И, мстя за невзгоды пути, сделал известный жест рукой:
– Нате!

В ответ, конечно, каскад угроз и мата, но с места никто не сдвинулся. Я побрёл к остановке троллейбуса. Всё шло чётко по плану! В моем распоряжении было 5тыс. лей, выменянных у границы.

В ночном пустом троллейбусе ко мне подсел румынский инженер-физик. По-русски он не говорил, но как-то сразу выяснилось: мы оба неплохо знаем английский плюс сто моих румынских слов. Я усвоил, что жизнь в отныне демократической Румынии всё хуже и хуже, и ничем хорошим это не кончится. Он проводил меня до Северного вокзала, указал на кассу на Тимишоару и распрощался.

Прямой поезд уходил лишь утром, я двинулся с пересадками. Там, на севере, Дунай отклоняется от границы и она идёт по суше. Но прежде чем обратиться к традициям славной пехоты, я решил испробовать запасной вариант «под дурачка». Смысл в том, чтобы купить билет на ближайший сербский пограничный город и «под дурачка» поехать: авось румыны не задержат («Уезжаешь? Ну и вали!»), а с сербами я договарюсь. До Тимишоары добирался в вагонах «ла клас-

са а дойа», короче, в жёстких. А люди в таких вагонах общительны и я узнал массу интересных и полезных вещей. Например, что румыны свободно ездят в Югославию на работу («Либрэ фронтiera, либре!» —

махал руками местный то ли «хиппарь», то ли «металлист», что означало: граница свободна!). Румыны, как оказалось, очень приветливы и общительны, а у меня всего 100 слов; я им одно, а они в ответ целую очередь. Но что надо, я понял.

Из окна разглядел: берег Дуная патрулируют парные автоматчики, расстояние между патрулями 5 -7 км. На пересечённой местности щель достаточная, чтобы проскочить.

Во второй половине дня добрался до Тимишоары и принялся ориентироваться в обстановке.

— Мне нужно в Белград, — нагло заявил я в справочном бюро. Пожилая служащая принялась что-то длинно объяснять по-румынски, но взглядевшись, вдруг оборвала себя на полуслове и...

заговорила по-сербски, вставляя русские слова.

— Ви србкиня! (вы сербка), — обрадовался я.

— То тако.

Она объяснила, что самый верный и короткий путь в Белград —

поезд Бухарест-Белград, который прибывает в 7 утра. Билеты в кассе 5 за час до прибытия. Пожелала счастливого пути.

Итак, предстояло скоротать ночь. Сунулся в зал ожидания для

пассажиров 1-го класса (мягкие кресла), но был с позором выдворен в

зал ожидания для пассажиров 2-го сорта, пardon, класса (жёсткие скамьи). А там в начале ночи железнодорожник и два полицейских с

автоматами принялись проверять билеты. Откуда у меня билет, который продаётся за час до отправления! Никакие объяснения не помогли, выгнали с вокзала вместе с бомжами, калеками и нищими.

А это люди опытные, их каждую ночь выгоняют, и они, должно быть, знают всякие теплые закутки окрест. Я пошёл за ними и провел ночь в относительном тепле. Калека, подмигнув, достал из-за пазухи плоскую бутылку, взболтнул, омывая горлышко, и протянул мне (наверное, за-

помнил, как час назад я выделил ему 50 лей). И хотя русскому человеку, если задумал сделать что-то путное, пить нельзя ни глотка, я выпил, чтоб не обидеть мужика.

А утром всё было, как объяснила сербка: я подлетел к касе первым и взял билет не до Белграда, а до пограничного сербского города Вршац (чтоб лишних денег не тратить, если ссадят).

В купе оказались всё те же «коробейники», но более высокого полёта. Эти оперировали от Китая до Ламанша и везли не самарские чайники, а китайские шелка. Были пьяны

слегка, не матерились.

Румынский пограничник, не глядя, хлопнул во вкладыш штамп пропуска, и я пересёк сербскую границу, которая представляет собой неширокую вспаханную полосу, от горизонта до горизонта; никаких укреплений не заметил.

Вообще поезд этот барыжный. В таможене выстроилась длинная разноязыкая очередь с тюками. Я намеренно встал последним: мне не нужны свидетели объяснений с сербами: когда достану из широких штанин свою общегражданскую паспортину, они могут отреагировать не по Маяковскому... И тут меня высмотрел молодой пограничник,

расталкивая толпу, двинулся ко мне. Подошел, прицелился глазами:

– Где твои вещи?

– Вот, – кивнул я на рюкзак.

– Это всё?

– Ага.

– Пойдём!

Он провёл меня через таможню, хлопнул в паспорт штамп, хлопнул по плечу и указал на выход. И я – в Югославии! То, что в Самаре представлялось нереальным и на что я пошёл лишь для очистки совести («надо же что-то делать!»), оказалось явью! Более того, на моей памяти ни один из планов не претворялся в жизнь с такой изумительной точностью! Я торжествовал, рассматривая уютный чистенький го-

родок, ажурные ограды, мощеные мостовые, добротные каменные дома под черепицей...

Теперь оставались детали. Рейд по румынской территории потребовал 2,5 тыс. лей. Я двинулся к базару менять оставшиеся деньги. Цыгане не признали никаких честных пропорций (1 лея —

2 динары) и согласились менять один к одному. Делать нечего. Им же

загнал бинокль и пассатижи по смехотворной, конечно, цене. Набралось 3,5 тыс. динар, билет до Белграда стоил 900.

Электричка подошла к окраине столицы и остановилась. Я кинулся за разъяснениями: мне надо на центральный вокзал. Выяснилось: проезд в автобусе до центрального вокзала стоит 250 динар. «Не отдам 250 динар на паршивый автобус, пойду пешком, заодно и город посмотрю: задерживаться для этого специально нет смысла», — решил я и двинулся с рюкзаком по вечернему Белграду. Ох и красивый же город! По-честному, красивее Москвы, а вот с Ленинградом сравнить можно. Сербь любезно указывали дорогу, можно сказать, под ручку вели, неизменно пытаясь разговаривать по-русски (наш язык здесь обязателен в школе).

На центральном вокзале, наскоро оценив обстановку, я понял:

надо пару часов отдохнуть. Едва прикемарил в зале ожидания, как в мозг ввинтился сварливый голос: «Ну почему ты не купил лампочек...»

Пришлось разомкнуть веки: игнорируя спящих пассажиров, отечественная дура громко отчитывала пьяного мужа: «У нас нет лампочек...» нудно и монотонно лезло в уши. Я всё же попробовал вздремнуть, но пелену сна разрывали «лампочки»: «Как ты мог забыть про лампочки... А как теперь без лампочек...» О, Господи! Эти и Белграде достанут. «Чего же ты хочешь, сказал я себе, сегодня за границей отираются люди совершенно определённого пошиба. Ты не встретишь здесь, кого уважаешь, и кто уважает тебя – рабочих, механизаторов, инженеров, вкалывающих «за зарплату» (забегая вперёд, скажу: встретил! За час до отправки на фронт в белградском магазине столкнулся с двумя командированными с ВАЗа. Это же совсем другие люди! Тепло поговорили, и они, всё поняв, пожелали мне вернуться живым. «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет!» – ответил я.).

По перрону шёл солдат ЮНА.

– Вы солдат ЮНА? – уточнил я.

– Войник Савезна Република Югославия, – бодро отпартовал воин, – А ви – русо?

– Русо, русо, – а где офицер?

– Я не офицер, – замахал руками солдат и улыбнулся ещё шире.

– Вижу, что не генерал, а где офицер? – настаивал я, зная, что эта фраза на обоих языках звучит одинаково.

– Тамо официр!

– Веди! Важан питанье (важное дело).

Солдат привел меня в комендатуру вокзала и закричал с порога:

– То рус пришёл!

Из-за перегородки поднялся капитан, улыбнулся, распахнул дверь: проходите, садитесь. Но садиться я не стал, а достал военный билет и положил перед капитаном. Затем медленно и чётко выговаривая каждое слово, я повторил те самые фразы, которые целый месяц повторял про себя утром и перед сном – что я русский офицер запаса, иду через Румынию воевать за Сербию, что у меня есть деньги и продукты, но я не знаю обстановку и прошу показать кратчайший путь на фронт.

Офицер смотрел во все глаза и ничего не отвечал. Тогда я повторил второй раз, а после паузы – третий. Он пытался улыбнуться и

...молчал. И тогда внутри меня словно взорвалась шаровая молния:

торгаши и вымогатели, нищие и полицейские, таможни и границы, грязные румынские вокзалы, вагоны, пересадки, перроны, цыгане,

сало, которое уже не лезло в рот – всё поднялось со дна души и я, стукнув кулаком по столу, заорал:

– Что ты уставился? Ты что, русского добровольца не видел?

Капитан встрепенулся:

– Това-ариш! Това-ариш! – повторял он известное ему русское слово. И схватил трубку:

– Здесь русский доброволец, – заорал он на весь вокзал. То, что в ответ забулькала трубка, также не потребовало перевода. Итак, воскресной ночью, когда пассажиры спят, а поезда стоят, на центральном вокзале Белграда вдруг объявился русский доброволец. Откуда взялся?

– Он говорит, что шёл через Румынию.

– Так давай его быстрее сюда!

Повскакивали дремавшие в дежурке солдаты, окружили, рассматривая меня с молчаливым любопытством. Одному из них капитан приказал меня сопровождать, пожав на прощание руку и пожелав удачи.

Солдат называл меня «батюшкой», что, как я позже узнал, самое уважительное в Сербии обращение, пытался забрать «торбу» —

мой боевой рюкзак. Он также счёл необходимым завести меня в 3—4 казармы, где объявлял: «Вот русский доброволец!». Тут же собиралась толпа и начинались расспросы. Я отвечал, что мне 40 лет, что работаю на заводе, дома осталась семья, мать, отец, что не воевал, но служил исправно, военное дело знаю и люблю.

Наконец пришли в нужную казарму. В канцелярии на встречу поднялся подполковник и, пожав руку, по-русски спросил:

– Сколько вы идёте?

– Сегодня день седьмой.

– О. много. Поесть и спать. Поесть и спать.

Утром повезли в Генштаб. Полковник, выпускник академии Фрунзе угостил пивом и подвёл к огромной, на всю стену, карте. Коротко ознакомил с обстановкой: фронт в Славонии, фронт в Хорватии, фронт в Боснии и Герцеговине, причём только в последней он имеет протяжённость более 450 км; общая протяжённость фронтов – около полутора тысяч километров. На северо-западе обширные территории, населённые сербами, окружены, всё мужское и даже женское население держит оборону на четыре стороны света. К ним пробит коридор. С другой стороны, уже более месяца в окружении

мусульманский гарнизон в г. Гораджи; центр Сараево тоже удерживается босняками (славянами-мусульманами), аэропорт и окраины в руках сербов, которые в свою очередь окружены объединёнными силами хорват и мусульман – такой вот слоёный пирог. К сербским отрядам пробит коридор. Со стороны мусульман отмечено широкое применение отрядов иностранных наёмников-единоверцев. Небольшие группы западных наёмников-авантюристов отмечены у хорват. Помощь боснякам идёт из Турции и ряда других мусульманских стран; хорват обильно снабжает Запад, вооружение, главным образом, немецкое (вплоть до танков «Леопард»), натовское.

– Я только с фронта, – говорил полковник у кар-

ты, – страшные насилия над мирным сербским населением. Цель – запугать, заставить покинуть родные жилища. На фронте жесточайшие бои, люди сходят с ума.

– Скажите, – внезапно прервал рассказ полковник, – в России очень уважают Ельцина?

– Достаточно. Интеллигенция, молодые предприниматели, часть крестьян – все за него.

– Тогда почему такое отношение к нам, сербам? Ведь любовью серб каждого русского считает братом; это – из поколения в поколение, это у нас в крови.

Полковник прав, за несколько часов в Сербии я это уже успел почувствовать. Но я решил защищать своего президента:

– Причём тут Ельцин, Это Козырев виноват. Нынешние лжедемократы за доллары готовы продать не только Сербию, но и Россию. И продают. А Ельцин уважает Сербию. Будь он рядовым гражданином, как я, он бы, как я, пришёл бы добровольцем защищать сербов. Но у козыревых козырь: вас обвиняют в тоталитаризме, на самом деле ненавидя сербов за любовь к России и веру в коммунизм.

Они у нас сегодня правят бал.

– Причём здесь коммунизм? Идёт война за территории, на которых проживает сербское население. Всё.

Полковник вздохнул:

– А насчёт коммунизма... От себя лично скажу: прекрасная была идея, просто человечество ещё не вполне созрело

для неё. Но оно, человечество от неё никогда не откажется и её время ещё наступит.

Вечером этого же дня я уезжал на фронт в Герцеговину. В команде 10 человек: возвращались раненые, отпускники, ехали сербы-

добровольцы. 20-летний Драган, до войны – каменщик, ранен уже второй раз, а 45-летний Божидар, радиоинженер, пороха не нюхал, он

доброволец. Семья ютится в пригороде Белграда на квартире, платит большие деньги, родное село захвачено хорватами-ушастами, Божидар едет его освобождать. В купе сербы пели песни и пускали по кругу литровую бутылку бренди. Верховодила симпатичный военврач Марина. То и дело заглядывали другие пассажиры, желали «живети» и

каждый раз бойцы говорили: «А у нас рус!» – и показывали на меня.

В маленьком городке Требинье, на складе пехотной бригады выдали автомат, две гранаты (наступательную и оборонительную), полностью обмундировали; для гражданской одежды выдали большую сумку, написали бирку и оставили на складе.

...Кругом, насколько видит глаз, всё горы, горы, горы... В конце ноября леса здесь ещё зелёные, на горизонте синее Адриатическое море. На горных тропах, на перевалах, на ключевых вершинах обе стороны соорудили баррикады из камней, стрелковые ячейки, укрытия; в ближнем тылу –

артиллерия. Таков здесь фронт.

– А ты когда-нибудь усташа видел? – спросил меня 17-летний солдат Лука.

– Нет, – честно признался я.

– А я вот этот пистолет взял в бою у убитого усташа, – поиграл пистолетом Лука.

– Молодец! – одобрил я боевые действия Луки.

– А ты пригнись, тут снайперы кругом.

– Сколько до усташей? – спросил я скептически.

– Метров 600.

– Не попадут!

– Так снайперы в нейтральной полосе прячутся.

Я быстро присел. С той стороны ухнул миномёт и над головой шепеляво прошелестела мина. Заматерился и открыл огонь наш пулемётчик, и тут же сдетонировал весь фронт: от края и до края вспыхнула ожесточённая ружейно-пулемётная перестрелка. На правом фланге злобно грохнули гаубицы. Я встал на колено, упёр магазин в камень бруствера, плотно прижал приклад к плечу и нажал на спусковой крючок.

Шёл первый фронтовой день и десятый с того дня, когда я, кинув за плечи рюкзак, шагнул за порог родного дома.

5 декабря 1992, село Польице.

ПЕРВАЯ ЛИНИЯ

*Из окопов никто не уйдёт.
Недолёт. Перелёт. Недолёт.
А. Межиров.*

ГЕРЦЕГОВИНА

(ноябрь -92 – февраль-93)

Боевые действия в Герцеговине начались 1 октября 1991 года после провозглашения мусульманскими и хорватскими сепаратистами «независимости» Босны и Герцеговины – союзной республики в составе СФРЮ. «Самоопределение» сопровождалось вселенской истерикой воинствующего национализма и изуверскими вспышками религиозной нетерпимости. (В Боснии и Герцеговине проживает 2 млн босняков (славян-мусульман), 600 тыс. хорватов (католики), 1,5 млн сербов (православные). Началось повсеместное изгнание сербов с мест компактного проживания, сопровождавшееся массовым насилием; на территорию собственно Сербии хлынули беженцы.

Действия сепаратистов активно поддержала регулярная хорватская армия чуть ранее провозглашенной и тут же признанной Западом (Германия – впереди всех) республики Хорватия. В этих условиях на защиту подвергавшегося ге-

ноциду сербского населения выступила ЮНА – Югославская народная армия. Этот вынужденный шаг средства массовой информации Запада тут же преподнесли, как «агрессию» и «попытку восстановления коммунистической диктатуры Белграда». Руководство России отлично понимало истинное положение дел: ещё бы – у самих такие же проблемы с русскоязычным населением в республиках, однако, в поисках «доверия», т.е. подачек Запада, предало своих вековых друзей и исторических союзников сербов, поправ тем самым многовековую традицию русской дипломатии.

А бои разгорелись на суше, на море и в воздухе. Поддержанная местным ополчением ЮНА начала теснить противника, осадив Дубровник и Сараево – столицу Боснии. Сепаратистам не помогли ни танки «Леопард», ни электронные системы наведения, ни другое самое современное вооружение и снаряжение, спешно и в больших

количествах поставленное Западом; при этом, новейшее вооружение из арсеналов Группы советских войск в Германии, «подаренное» Горбачёвым стратегическому противнику, составило значительную часть поставок. Ничего не помогло. Тогда активно заработала дипломатия.

Речь в первую очередь идёт об австрийской и, особенно, немецкой дипломатии – объединённая Германия возвращается на Балканы к своим историческим союзникам хорватам, к роскошным средиземноморским пляжам. Тут уместно напомнить: самыми преданными союзниками Гитлера

(именно САМЫМИ, а не одними из самых) были именно хорваты, которые рьяно перенимали все изуверские методы нацистов по массовому уничтожению мирного населения, во многом превзойдя учителей. Они организовывали на гитлеровский манер лагеря смерти, состав узников аналогичен – сербы, цыгане, евреи, коммунисты. За годы войны хорваты вместе с немцами, болгарами и албанцами уничтожили 1,5 млн. мирных жителей (90 процентов – сербы); в одном только концлагере Ясеновац погибло мученической смертью 800 тыс. узников. В те страшные годы по Дрине плыли плоты с ведрами, наполненными... глазами жертв чудовищного геноцида сербского народа. При этом в ход шло специально изобретённое оружие – плод садистского ума – «серборез»... В Европе про всё это прекрасно известно, но там помалкивают. Помнят об этом и в Израиле: серборез отлично сгодился и для евреев. Немецкие нацисты, будем считать, своё получили, хорватских пальцем никто не тронул: нужна сторожевая собака на Балканах. Тем не менее в наше время в Европе традиционно известны: русский медведь, немецкий колбасник, польский сантехник и... хорватский людоед. Сегодня на фронте не услышишь слово «хорват» – «ушташи», «ушташко войско» – так говорят солдаты и добавляют: «Они собрались нам устроить ещё один Ясеновац...»

При пассивной (а если называть вещи своими именами – предательской) позиции России, спекулируя понятиями «сербский коммунизм», «сербский национализм», «борьба

хорватов за демократию» и т.п., западная дипломатия успеха достигла – ЮНА вынуждена была уйти в пределы собственно Сербии и Черногории, которые ныне составляют Союзную Республику Югославию (СРЮ).

А хорватская регулярная армия осталась на позициях!

Но ничего не помогло. На территории, провозглашённой местным населением Сербской Республикой Боснии и Герцеговины

проведена всеобщая мобилизация, создана регулярная армия (танков – единицы, авиации нет совсем, из тяжёлого вооружения в основном немногочисленные гаубицы и миномёты разных калибров). В боях участвуют добровольцы из СРЮ, но их не так много. На стороне усташей действуют немногочисленные наемники (замечены прибалты и западные украинцы), со стороны же мусульман отмечено появление целых отрядов наемников-единоверцев (эти, несмотря на показушный религиозный фанатизм, без больших денег и шагу не сделают, впрочем, как и европейцы; но не хоть не дерут напоказ глотки).

(Доброволец, в отличие от наёмника приходит сам, его никто не вербует, ему никто ничего не обещает и не гарантирует сверх действующего законодательства, по которому живут и воюют местные

бойцы, никаких «контрактов», каких-то особых привилегий,

доброволец получает столько же, сколько боец регуляр-

ной армии на соответствующей должности. Я рядовой пехоты, получаю денежное довольствие, как и все рядовые – 20 тыс. динар в месяц (средняя зарплата по Югославии – 50 тыс. динар (данные на ноябрь-92)).

Итак, с 15 мая 1992 года оборону своих городов и сёл взяло в свои руки сербское население Босны и Герцеговины. Следует отметить, что среди бойцов существует чёткое понятие – «наше» и «не наше». Так

на мой вопрос, будем ли мы штурмовать Дубровник, бойцы ответили:

«Нет, то не наше, то ихнее. И море ихнее.»

Я прибыл на фронт в Герцеговину 17-го ноября 1992 года. Бои здесь ведет Герцеговинский корпус (штаб в Билече). Фронт обороняет два направления – трebinьско-дубровникское и невесинско – мостарское. На первом действует Требиньская бригада – 5 батальонов, штаб в Требинье. Отсюда меня направили в 4-й батальон, в с. Польице.

В мае, после ухода ЮНА, бойцы этого участка, сражавшиеся на окраине Дубровника, вынуждены были («по приказу» – особо подчёркивают они) отойти от города на 12 километров и закрепиться в горах. С июня линия фронта здесь стабилизировалась и проходит теперь по южному краю Попова поля – эллипсоидной чаше длиной 60 и шириной 5—7 км, окаймлённой горными вершинами 1,5 – 2 км высотой, по склонам которых и проходит фронт. Долина эта исключительно плодородна (в декабре на грядках зелень, ка-

пуста), в ней много сёл. Сербы живут здесь искони, но после Национально-освободительной войны (по аналогии с нашей Великой Отечественной) поселилось немало людей разных национальностей и вероисповеданий. Так в городке Тербинье (35 тыс. жителей) есть наряду с православным храмом и мечеть, и синагога, и костёл; кладбища – православное, мусульманское, еврейское, католическое. Но сейчас католиков не осталось – «убегли», а мусульмане есть, сражаются в сербском ополчении.

Позиции располагаются на перевалах, тропах, на склонах и гребнях господствующих вершин и представляют собой укреплённые валунами стрелковые ячейки или баррикады из камней. Каждую такую позицию обороняют 4—8 бойцов (пулемётчик, снайпер, автоматчики, автоматы имеют насадки для стрельбы гранатами, а также могут вести навесной огонь 20-миллиметровыми минами. У каждого ещё гранатомёт одноразового действия «Золя» типа нашей «Мухи». В ближнем тылу обычно пара 62-мм миномётов (батарея). Впереди – минное поле. Отдыхают солдаты обычно в гроте или в пещере, реже – в палатке. горячую пищу доставляют «носильщики» в термосах (дежурная смена – очень тяжкий труд) или пользуемся сухпайками. Отдых – тоже по-разному. На позиции «Гром», где я несу службу, 4 дня здесь, 2 дня в резерве, в расположении роты, ещё 2 – катись куда хочешь.

Зеркально расположены усташские позиции, но против каждой нашей 3—5 их. Против одной Требиньской бригады

действуют, по словам бойцов, 6 бригад противника – 17 тыс. человек. 8 сентября рано утром они предприняли массированную атаку по всему участку. После солидной артподготовки цепи пехоты пошли на штурм сербских укреплений. Соотношение сил (в пехоте) атакующих и обороняющихся составляло примерно 10:1, но наступление было организовано в высшей степени бездарно, если не сказать – преступно. Ясно ведь: чтобы подняться на вершины, обороняемые сербами, массы людей вынуждены спуститься в низину, где сербы их и забросали снарядами, гранатами и минами при непрерывном ружейно-пулемётном огне (всё пристреляно!). Отступать сербам некуда, с позиций они видят собственные дома в Поповом поле. И хотя на одном из участков

для них создалось критическое положение (в лобовую атаку пришлось

даже бросить отборный взвод диверсантов-разведчиков), но в итоге

усташи нигде не продвинулись ни на метр. Свои потери они официально заявили в 500 убитых. Потери сербов – менее 20-ти человек (фотографии и имена павших опубликованы в местной газете «Глас Требинье», обычная практика).

Из этой бессмысленной и бесперспективной бойни хорватское командование вроде сделало правильные выводы: подписало перемирие.

Я предполагаю, сентябрьский «напад» – это карт-бланш хорватского правительства военным: или успех, или уходим.

Теперь на фронте все говорят о мире: «Выдохлись усташи, навоевались досыта.»

Всё чаще солдаты на позициях вступают в дискуссии с противником. «А что, они такие же парни, как и мы!» – удивлённо восклицают бойцы после таких дискуссий.

Тем не менее в руках противника на этом участке фронта ещё 35 сербских сёл и здесь мнение бойцов однозначно: «Все сёла должны быть возвращены, иначе война не кончится.» Ведь бойцы-то все местные, из этих сёл.

Перемирие, в основном соблюдается, нарушения носят случайный характер: то кому-то скучно стало, начал палить в белый свет, то кто-то выпил лишку... В таких случаях фронт чутко реагирует и полчаса изрыгает артиллерийский и ружейный огонь. Потом, как по команде, становится тихо.

Что дальше, никто не знает.

13 февраля 1992 г.,

с. Польице.

НА ПОЗИЦИЯХ В ЯНВАРЕ

Я лежу на каменном полу высокогорной пещеры и уныло разглядываю её низкий грязно-серый потолок. Спальный мешок тонет в грязно-серой мути сочащегося через вход грязно-серого рассвета. Собственно, о каком спальном мешке речь? Некий нервный воин из предыдущей смены сломал «молнию», а без молнии мешок – простое одеяло, в которое

я укутан как в кокон.

Позади 11 часов кошмарной полудрёмы на дне холодной вонючей пещеры, где в мирное время укрывались от грозы смиренные овечки.

Три совершенно невыносимых, но вынесенных часа бесконечной январской ночи пришлось провести у бруствера за пулемётом, где нет ни малейшей защиты от стужи и ветра. Всё так, но с веским уточнением: всё это позади. Под утро удалось-таки загерметизироваться в «коконе» и кое-как согреться. Теперь требуется собраться с силами и встать. Я собираюсь с силами и встаю. Рядом возятся бледные тени – такие же бедолаги, как я. Я нахожу в себе силы и для следующих героических действий: вылезти из пещеры на мороз без шинели и 5 минут интенсивно приседать и махать руками, почистить зубы смерзшийся зубной щёткой и плеснуть в физиономию две пригоршни ледяной воды.

Моральный дух мой ощутимо крепнет, и я бодро шагаю к костру, вокруг которого уже толпятся мои товарищи. Они ставят на угли банки с паштетом, насаживают на прутики мёрзлый хлеб и тянут к огню. Такой завтрак, по моему мнению, в стужу неэффективен. Я разыскиваю среди камней жестяную литровую банку, которую вчера предусмотрительно наполнил остатками обеда из термоса. Разумеется, сейчас в банке кусок льда, но через 10 минут вскипает ароматная «чорба» – местный то ли суп, то ли борщ. Я уплетаю её с сухарями за обе щёки, чувствую прилив сил и уверенность:

удастся преодолеть и этот день. Ведёрко воды, также за ночь превратившееся в лёд, уже закипает, и бойцы обмениваются быстрыми мнениями, что пить – чай или кофе. О кофе («кафа»)! Его питиё эдесь целый ритуал: не посовещавшись, готовить кофе нельзя. Соповещение дало положительный результат и вот мы смакуем кофе в чашечках от упаковки гранат. Разумеется, кошуновство, пить «кафу» из гранатной упаковки, но Бог простит, ведь мы на фронте.

Они сидят вокруг костра, четыре серба, защитники этой многострадальной истерзанной земли – Милан, Сречко, Радослав и

Илья. Старшему, Милану – 27 лет, младшему, Радославу – 18. Воюют второй год. Их села – Шоша, Бобаны, Добромир, Иваница совсем рядом, самое дальнее – в трёх километрах. Но спуститься туда они не могут: села заняты усташами – хорватскими фашистами, а Бобаны и Иваница сожжены. Парни угрюмо смотрят в огонь, прихлёбывают «кафу» и каждый глоток сопровождают сигаретной затяжкой. А я не курю и родом не из села, а из большого красивого города на Волге.

И город этот никем не захвачен и стоит на равнине. Я – русский доброволец, приехал помочь сербам освободить их сёла.

Позиция наша в отличие от соседней «Муни» («Молнии»), называется «Гром». Это каменный бруствер и стрелковые ячейки из скальных глыб. Мы обороняем небольшой

горный проход, который выводит на обширную равнину – Попово поле. За нашей спиной десятки сербских сёл и город Требинье.

Несмотря на столь великие стратегические задачи, вид мы имеем отнюдь не героический. Одежда в жирных пятнах и в саже, ботинки – горе, а не ботинки, на голове у кого что, лишь бы потеплей. У меня под носом постоянно висит крупная мутная капля, а под правым глазом красуется ядрёный ячмень. Впрочем, сопли текут у всех, различные гнойники тоже обязательны.

После кофейного мини-праздника моя очередь подниматься на НП – макушку нашей вершины. Здесь ветер беснуется как хочет.

Я беру бинокль и оглядываю позиции усташей. Никого. Такое впечатление, что там никого и нет. Но они там. Доказательство – «шаховница» – усташский флаг времён 2-й Мировой, когда они лакейски прислуживали Гитлеру, вместо свастики – шахматное поле.

Они вывесили её на склоне соседней горы, подальше от собственных позиций. Мелкая подлость – позлить: вот, мол, наш фраг на вашей земле, не нравится – тратте снаряды. А так как официально подписано очередное перемирие и вдоль фронта шастают белые джипы наблюдателей ООН, то можно будет обвинить сербов в нарушении соглашения. Но мы на эту удочку не ловимся: с сербской земли надо срочно выметать не эту тряпку, а тех, кто её поставил.

Холод – второй наш злейший враг. Он пробирает меня до костей, до печёнок. Главное – ноги, они как будто закопаны в ледяной панцирь: у меня нет теплых носков. Вообще в борьбе с холодом я оснащён значительно слабее, чем мои сербские товарищи, чьи семьи рядом, в Поповом поле, ютятся у родственников. Поэтому у парней шерстяные вязаные носки и такие же свитера. А моя семья далеко, да и не умеют ни мать, ни жена, исконные горожанки, вязать. Но это с одной стороны. А с другой – я потомственный житель заснеженных русских равнин, где пурга и мороз также привычны, как здесь зелёный лук на грядках в ноябре. Конечно, это не значит, что мне теплее, ведь температура человеческого тела одинакова и в Адриатике, и на Волге. Но должны же срабатывать какие-то гены! Гены срабатывают, и я выдерживаю положенное время, затем кубарем скатываюсь к костру, мигом скидываю ботинки и протягиваю озябшие ноги чуть не в пламя.

– У тебя, что, нет теплых носков, – удивляются парни, – что же ты молчал, так и без ног остаться можно.

– Как молчал! Я старшине всю плешь проел, а он: нету, позднее будут.

– Мы тебе принесём. (К следующему дежурству принесли две пары.)

Костёр – основа нашего существования, посему заготовка дров – главное наше занятие. Милан и Радо берут двуручную пилу, а мы с

Сречко отправляемся по хворост. Разумеется, вокруг всё уже подобрано и спилено (кстати, неосмотрительно: теперь ветер гуляет во все стороны). Мы спускаемся дальше и приступаем к заготовке дров. Занятие это греет не хуже костра, у которого через некоторое время вырастает громада дров и радует душу.

Мы сидим, балдеем, поворачиваясь к огню то лицом, то спиной.

Переговариваемся, смеёмся. Обращаясь ко мне сербы постоянно вставляют в речь русские слова, выученные в школе (в сербских школах основной иностранный язык – русский). Поступают они так не потому, что я не понимаю их язык (я уже понимаю достаточно), а чтоб лишний раз подчеркнуть свою приязнь ко мне, русскому человеку, ко всем русским, к России.

– Сибир! – восклицают они, ёжась от холода, и я соглашаюсь, мол,

да, маленькая Сибирь.

Звучит транзистор – в далёком тёплом Белграде женщина поёт про любовь. Небо синее, хрустальное, вершины в снегу...

Фронтovou идиллию нарушает зловещий посвист мины. Разрыв!

И в родниковый горный воздух вползает едкая пороховая гарь. Другая мина, третья... Разрывы кипят правее. Правее, это зна-

чит на «Муне», но так как по птичьему полёту расстояние между нами метров 200, то достаётся и нам. Усташи ещё те артиллеристы... «Муня» у них как кость в горле, она контролирует дорогу и подходы сразу к двум сёлам, поэтому, несмотря на перемирие, усташи считают важной стратегической задачей ежедневно выпускать по «Муне» пачку мин. «Муня» яростно огрызается пулемётным огнём. Мы не стреляем: противника «Муни» мы не видим из-за горы, а те что перед нами – молчат. От миномётного огня мы прячемся под козырьком скалы. Защита ненадёжная – если мина перелетит скалу, любой из нас запросто может получить солидную горсть железных конфет.

– Ну и подлое же оружие – миномёт, – плюется Илья, – нигде от него не спрячешься.

Я считаю нужным защитить миномёт:

– И вовсе не подлое. Его изобрели русские солдаты при обороне Порт-Артура в русско-японскую войну 904-го – 5-го годов. А во вторую мировую гвардейские миномёты «Катюша» наводили ужас на немцев.

Я цежу всё это довольно лениво и небрежно, следя за близкими разрывами. Но бойцы слушают внимательно. Они очень любят слушать про Россию. Я уже рассказал им про Куликовскую битву, про Минина и Пожарского, объяснил суть выражения «сгорел, как швед под Полтавой».

Под посвист усташских мин бойцы признают:

– Да! Миномёт – отличное оружие, – а молодой Радо ис-

полнил пару куплетов «Катюши» и поплясал.

Наконец обстрел кончился, и мы бежим к костру. Томительно и нудно текут минуты, складываясь в часы. Мы то сидим на камнях, то встаём, разминаясь. Все темы давно исчерпаны – и про похождения с девочками, и про цены, и про курс динара к марке, и про военную мафию... И лишь одну тему в моем присутствии бойцы обсуждают крайне деликатно, осторожно: тему о нынешней политике России в отношении Югославии. Эти простые крестьянские парни носят поверх свитеров большие золотистые православные кресты и ощущают себя форпостом православия в коварной Европе. Маленькая Сербия представляется им выдвинутым далеко вперёд узеньким полуостровом в бушующем море. Вся надежда на Россию. Вот почему, когда Кремль начинает вилять хвостом в сербском вопросе, здесь, на горных вершинах, сердца сжимаются не только от холода, но и от обиды.

Небо хмурится, значит пойдёт снег. Это хорошо, спадёт мороз. Если б ещё утих ветер... Ба! А это кто на горизонте? А это два героических посланца героической «Муни» – героические Юрко и Иван – такие же молодые бойцы, как наши Радо и Илья, к которым они и спешат в гости. А гости – святые люди, тут уж дискуссий про «кафу» не возникает: котелок немедленно наполняется водой.

Гости, румяные, разогретые ходьбой, улыбаются до ушей и вносят радостное оживление в наше приунывшее общество. Молодёжь сбивается в кучу и начинает точить лясы.

Сразу находятся темы. Одна из любимых – школа и школьные проделки. Радо вспоминает, как «химичка» вызвала его к доске, он вышел и на всю доску намалевал

формулу воды H_2O , заявив, что больше ничего не знает. Возмущённая

«химичка» влепила Радо «кол», что сейчас вызвало у всех неудержимый приступ веселья. Ребята вспоминают другие шалости, дают меткие характеристики учителям. Потом молодёжь принимается палить на спор по бутылкам из автомата и снайперской винтовки. Однако это занятие на фронте быстро надоедает. Подтащили снарядный ящик ближе к огню и сыграли партию в домино. Гости, выиграв, распрощались.

Время клонится к обеду. Обед в термосах доставляет к колодцу дежурная смена носильщиков. Дальше на свои положаи в вёдрах несём его мы сами. Колодец далеко внизу. Сегодня идти мне и Сречко. Сречко берёт ведро и сумку для хлеба, я – резиновый бурдюк для воды.

Назад Сречко тащит ведро «чорбы» и хлеб, я 30 литров воды. Мой груз, конечно, в три раза тяжелее, но тут уж ничего не поделаешь: доверять мне «чорбу» никак нельзя. Сречко вырос в этих горах и идёт по камням как по асфальту, я же поминутно спотыкаюсь. Вот и плачу за свою неловкость обильным потом на сухом морозе. Но и балансировать с ведром «чорбы» тоже нелегко, своего рода искусство. Короче, до положая добираемся, высунув языки.

Обед сытный, вкусный, критических замечаний не вызывает. Мне это удивительно: русскому солдату подай обед хоть с царского стола, он его всё равно обругает.

Мы продолжаем поочерёдно нести службу на НП, не отрывая глаз от бинокля. Ветер и снег секут физиономии, наблюдение сейчас малоэффективно: вечереет.

Вот тут они нас и достали! Внезапно сидящие у костра обстреляны с близкого расстояния длинной автоматной очередью.

Мы веером разбегаемся по склону, припадаем к камням. Мерзавец усташ подкрался к позициям никак не дальше, чем на 150 метров. Вопрос: псих-одиночка или разведка боем. Несколько коротких секунд мы все тягостно размышляем, наконец командир положая Милан принимает решение по худшему варианту:

– Всем палить не надо. Я и Радо уходим с пулемётом на соседний склон. Илья на радиостанции. Сречко продолжает наблюдать. Стрелком займешься ты, Юра.

– Добре, – произношу я.

Решение верное, это не атака. Усташи по ночам не воюют, тут они похожи на своих покровителей – немцев. Цель усташей – засечь по вспышкам, сколько нас, чем вооружены и в сумерках уйти. Если, конечно, это не псих, что тоже не редкость.

Милан и Радо, пригнувшись, исчезают в темноте. Я, привалившись к брустверу, не двигаюсь: суетиться не надо –

спираль боя раскрутится сама собой. Вот стрелок выпускает ещё очередь. Ага! Теперь понятно направление. Я даю короткую очередь в темноту и занимаю более удобную позицию. Я – признанный мастер огневого боя.

Для начала «друга» следует нащупать и прощупать. В его направлении три поросшие кустарником каменные глыбы, куда он мог пролезть. Завтра туда пролезем мы и поставим мины. А сегодня... Я быстро обстреливаю все три места, которые от дневных бдений и в сумерках перед глазами как на фото. И сразу же заговорил вражеский пулемёт. Вот оно что! Моего «друга» прикрывают. В дело вступает пулемёт Милана. Ну, я думаю, они разберутся между собой. А мне надо заняться» другом», который, ободрённый поддержкой, тоже не молчит. Но, написано в Книге, заботясь о ближнем, не забывай о дальнем, и я выпускаю короткую по пулемётчику и длинную по стрелку. Короткая 2 патрона, длинная – 5. Я отсекаю очереди с точностью и чёткостью хорошего продавца колбасы: 2—5, 2—5, 2—5...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.